

— Вы почти сравниваете её с Лили, ведь она не позволила вашим собственным юношеским ошибкам стать столь катастрофическими, как некоторые опасались, — сказала Помона с лёгкой улыбкой. — Вы подозреваете, что в его репертуаре есть хоть немного опасных заклинаний и зелий, как у вас на первом курсе?— С большой неохотой признаю, что иногда удивляюсь, почему его нет у себя дома, — хмыкнул Северус, ощущая, как остальные мысленно обступают его, словно акулы. — Он явно к чему-то стремится, и, как бы мне ни было неприятно это признавать, у меня есть опасения, что он пойдёт по тому же пути, что и другие подобные студенты...— Опять сравниваешь его с собой, Северус? — спросила Помона, наслаждаясь словесной перепалкой с обычно немногословным Слизеринном. — Похоже, вы заметили, что он, независимо от своих желаний, стал объектом слишком большого внимания со стороны общественности. Я удивлён, что нас не завалили просьбами об интервью с ним из "Пророка" и других СМИ, когда он больше не находится в уединении. — На самом деле, меня больше беспокоит, не растёт ли у него число поклонников, как у некоторых других харизматичных личностей в прошлом, — угрюмо ответил Северус. — Возможно, вы слышали о Гриндевальде или Темном Лорде? Известно, что оба они притягивали к себе людей и использовали свою харизму, чтобы обвить их в своих сетях. Я так понимаю, это тоже беспокоит вас, Альбус? Вам интересно, как на него подействовало проклятие. Не хотелось бы, чтобы один Темный Лорд исчез, а на его место пришёл другой, куда более харизматичный, у которого уже слишком много доверчивых и впечатлительных детей, готовых умереть или, скорее всего, даже убить за него! Как далеко мог бы зайти Тот-Кто-Не-Должен-Называться, если бы у него была такая же известность и преданность, как у этого ребенка?— Хотя я, признаться, в некоторой степени обеспокоен долгосрочными последствиями проклятия, — медленно произнёс Альбус успокаивающим голосом, — я должен признать, что никто не выжил после того, как его поразило это проклятие. Может, кто-то и перехватывал его, но никто не был поражён и не выжил, не говоря уже о том, чтобы отразить атаку обратно на заклинателя. Нет, я скажу, что волновался настолько, что попросил об одолжении...— За ним кто-то следил? — с облегчением воскликнула Минерва. — Я очень беспокоилась все эти годы, но вы всегда говорили, что лучше, чтобы он рос без славы. Мне приятно знать, что если бы ему угрожала реальная опасность со стороны Пожирателей смерти, которым удалось пробраться наружу, у вас есть кто-то, кто мог бы вас предупредить.— Итак, Филиус, есть ли причина, по которой вы, как и Минерва, испытываете некоторую тревогу за нашего юного мистера Поттера? — спросил Альбус, так как он ещё не видел мальчика вне еды и начал подумывать о том, чтобы организовать встречу. Его надежды на то, что мальчик окажется достаточно любознательным по-гриффиндорски, чтобы узнать, что находится на третьем этаже, и, таким образом, завести с ним разговор, не оправдались. Он также задался вопросом, будет ли мальчик разбираться с троллем, но из-за отсутствия его присутствия это пришлось отложить. В итоге ему удалось выяснить, что мальчик в весьма хаффлпафском духе утешал своего друга. Он почувствовал тревогу при мысли о том, что мстительный Поттер может выплеснуть свой гнев на этих двоих, но подавил это чувство, так как не заметил у мальчика никаких признаков того, что он пытается подражать своему отцу-гриффиндорцу. К сожалению, его предположения оказались неверными: хотя юный Гарри не был склонен использовать розыгрыши в качестве предпочтительного метода коррекции поведения, это не означало, что смущение, которое можно вызвать, остановит такое поведение. И всё же, если бы он прислушался к тому, что собирался сказать Филиус, возможно, появился бы шанс изменить ситуацию. К сожалению, Dumbledore не мог понять, что Гарри гораздо глубже увяз в истинной тьме, чем Том. Главное отличие заключалось в том, что, хотя оба были готовы убивать ради достижения своих целей, Гарри действовал взвешенно и продуманно, в то время как Том проявлял чрезмерную свободу в применении боли и смерти, чтобы осознать тонкости жизни. — Альбус, это трудно выразить количественно, — сказал Филиус, погружившись в раздумья. — Ближе всего я могу описать это моментами, когда человек сталкивается с действительно опасным и мощным магическим существом. В том, как он и в меньшей степени мисс Грейнджер передвигаются, есть нечто

такое, что заставляет меня настораживаться. Они двигаются лучше, чем большинство дуэлянтов, не говоря уже об аврорах. Если бы у них было приличное количество заклинаний, вероятность того, что они смогли бы уклоняться от большинства атак, возросла бы многократно. Вы, конечно, тоже заметили, Минерва, что они кажутся почти такими же грациозными, как и вы...— Мое превращение в анимага, — завершила Минерва, когда в голову пришли тревожные мысли. — Хотя я могу признать, что они оба проявляют гораздо больше таланта и знаний о моем искусстве, чем большинство других, одиннадцатилетний ребёнок не может завершить это превращение. Тем не менее, есть нечто, что заставляет меня чувствовать себя гораздо более неуютно рядом с ними, когда я нахожусь в своей форме. Лучше всего, я бы сказала, в отличие от Филиуса, я чувствовала себя тогда, когда только училась, а за мной гонялись собаки, как будто они считали меня не чем-то интересным, а чем-то полезным.— Я по-прежнему считаю, что вы уделяете мальчику слишком много внимания, — сказал Северус, с трудом скрывая недовольство. — Хотя я не могу не признать, что он талантлив в некоторых областях, но, указав на это, вы подвергнете остракизму слишком много имбецильных гормональных бабуинов, а я считаю, что это далеко не ваша цель.— Признаю, что, как и большинство из вас, я считал, что он станет гриффиндорцем, как его родители, но я благодарен, что он учится в Рейвенкло и у него есть хотя бы один друг, — вздохнул Альбус, пытаясь вернуть собрание в нужное русло. — Не хотелось бы, чтобы он потратил свой потенциал так, как, боюсь, это может произойти. Так что нам остаётся только разгадывать загадку, хотя, возможно, прямой допрос даст нам понять ситуацию.— Запомни мои слова, Альбус, — сказал Филиус с необычной серьёзностью.— Он может быть таким же умным и любознательным, как любой другой рейвенкловец, но он значительно более целеустремлён, чем любой слизеринец или гриффиндорец, которых я видел за многие годы. И, как бы мне ни было грустно это признавать, он уже продемонстрировал более чем фанатичную преданность Хаффлпаффу, даже если это касается лишь тех, кому он доверяет. Если бы только нам удалось узнать, почему он такой, как есть, мы могли бы лучше понять, как он будет реагировать. Возможно, он мой ученик и, следовательно, находится под моей защитой, но иногда он заставляет меня чувствовать, что всё обстоит почти наоборот. Он научится, и с тем уровнем силы, который уже демонстрирует, вероятно, станет одним из самых сильных и свирепых бойцов своего поколения. Я знаю, что никто из нас не любит обсуждать внутренние дела, но я признаю, что, хотя в моём доме было немного таких проблем, одному из наших учеников удалось силой воли запугать всех и заставить молчать о том, что происходит. По тому, что мне удалось узнать, наш юный мистер Поттер не переносит задира и тех, кто злоупотребляет своей властью или авторитетом.— Если инцидент вызвал такое беспокойство, почему вы не подняли его раньше? — заинтересованно спросил Дамблдор. — Конечно, если бы это было так важно, то это следовало бы сделать на случай, если инцидент повторится или выйдет за пределы дома.— Если не использовать Веритасерум или Легилименцию, которые противоречат политике и, в большинстве случаев, закону в отношении несовершеннолетних, то нет никакой возможности заставить учеников сказать больше, не раздражая, а тем более не злить мистера Поттера, — признал Филиус с тяжёлым вздохом. — Достаточно сказать, что остальные вопросы решаются в доме, и префекты рады, что никому из них не пришлось объяснять мне, за что были начислены баллы или отчисления. К этому можно добавить, что некоторые из менее желательных взглядов, которые до сих пор сохраняются, были подавлены, что весьма утешительно. К сожалению, оставшаяся часть собрания перешла на другие темы. Об инциденте с Тонкс не было сказано ни слова и даже не предполагалось. На самом деле никто из старост и даже директор не знал, что произошло, кроме того, что некоторые рейвенкловцы вели себя неподобающим образом, и префекты считали произошедшее достаточным наказанием. Больше ничего по этому поводу не требовалось, и Альбус, оценив состояние первокурсников, в частности Поттера и его друга, с готовностью отпустил собрание, чтобы дать себе возможность поразмыслить, посасывая лимонные капли. Даже если кто-то из них заинтересовался бы расследованием, так как на самом деле ничего не было сделано, делать было бы нечего. К тому

же законы были довольно слабыми, что касалось прав нечистокровной женщины даже в лучшие времена. Учитывая это, наиболее вероятное событие не имело бы никаких последствий, кроме, возможно, лёгкого упрека. Если бы у девушки был покровитель или какая-либо другая форма влияния и защиты, только тогда можно было бы подумать о том, что делать. К сожалению, это всё ещё было время, когда без чьей-либо защиты полукровкам и магглорожденным приходилось защищаться самим. Учитывая всё это, стоит ли удивляться, что две самые могущественные женщины в истории были весьма искусны в бою и умели защищать себя, даже если почти тысячелетие спустя их считали застенчивыми книжными червями и благонамеренными неженками?

<http://bllate.org/book/17336/1624711>